
Сокращение,
или
Смерть в штатном расписании
Уютный детектив
Издательство
Оптимизация:
Штат
Расходы
Процессы
Корректор?
Штатное расписание
СОКРАЩЕНИЕ
Серия
«Красный карандаш»
книга 17

Милана Панова

Сокращение или Смерть в штатном расписании

https://litres.ru/74732612
SelfPub; 2026

Аннотация

Издательство продано. Новый владелец, шумный и циничный столичный бизнесмен, входит в зал в белых кроссовках и объявляет, что сорок человек ему не нужны, а корректор Нина Платонова вообще анахронизм: с запятыми справится программа. Список на увольнение возглавляет она сама. За закрытой дверью выясняется: владелец — бывший муж директора издательства Маргариты Дымовой, которого она двадцать лет считала предателем. Он остаётся ночевать в её кабинете, а утром его находят мёртвым на диване. Дверь заперта, в почте лежит письмо, отправленное после полуночи, а таблетки в аптечном контейнере кто-то аккуратно подменил. Подозреваемых много: мстительная бывшая жена, холодный финансовый директор, тихий заместитель главного редактора, дизайнер, у которого ипотека. Нина, капитан Громов и кот Эклер разбираются, чьи запятые лгут. Уютный ироничный детектив о старых обидах, чужих письмах и о том, что вежливость иногда страшнее грубости.

Милана Панова
Сокращение или Смерть в штатном расписании

Сокращение, или Смерть в штатном расписании
Серия «Красный карандаш», книга 17

Глава 1. Новый владелец

Издательство в то утро напоминало улей, в который бросили горсть соли. Все были на месте уже в половине девятого, хотя обычно мы собирались к десяти. В коридорах стоял тихий, тревожный гул: люди шептались у кофейного автомата, замолкали, когда мимо проходил кто-то из начальства, и расходились по кабинетам с лицами пассажиров, которым сообщили, что рейс задерживается на неопределённый срок.

Я пришла последней. Накануне мы с Андреем и Эклером выгрузились на набережной, добрались домой, и я полночи не спала: лежала и смотрела в потолок, слушая, как Эклер храпит на соседней подушке. «Нина, я его знаю». Что может значить эта фраза, произнесённая Маргаритой Викторовной таким голосом, каким обычно произносят имена покойников?

В корректорской было пусто. На моём столе лежала записка: «Нина Сергеевна, все собираются в большом зале в де-

вять. З. А.». Эклер, выпущенный из переноски, обошёл комнату, проверил углы, понюхал мою кружку и устроился на подоконнике с видом на двор, где Тимур курил, прислонившись к стене, с лицом человека, который знает, что завтра будет хуже.

Большой зал находился на втором этаже: длинная комната с овальным столом, шкафами, полными книг, и экраном на стене. К девяти туда набилось человек сорок. Зоя Аркадьевна сидела в углу с папкой документов на коленях, строгая, прямая, в сером костюме, как на похоронах. Катя, чуть бледная и немного поправившаяся, примостилась рядом с Тимофеем Роговым, который по-прежнему работал у нас грузчиком и ни разу не пожаловался. Тимур устроился в дальнем конце стола, не снимая наушников. Заместитель главного редактора Павел Андреевич Ромашов, высокий, лысеющий, с аккуратной бородкой и холодными глазами, листал блокнот и делал вид, что его всё это не касается.

Маргарита Викторовна сидела во главе стола. Лицо её было каменным, пальцы лежали на столе неподвижно, как на портрете. Я села рядом с Андреем, который пришёл со мной и теперь устроился у стены, скрестив руки. Он взял на сегодня выходной «по семейным обстоятельствам», и я не стала уточнять, какое именно обстоятельство он имел в виду.

— Нина, — прошептала Катя, когда я села. — Вы в курсе?

— Что нас продали.

— Что вас хотят уволить.

— Это тоже.

— Это же ужасно.

— Посмотрим.

Ровно в девять дверь распахнулась, и вошёл человек.

Он был невысок, плотен, лет пятидесяти пяти, с седым ёжиком, загорелым лицом и крупным носом. Одет в спортивную куртку, джинсы и белоснежные кроссовки, которые стоили, наверное, как моя месячная зарплата. На запястье блестели массивные часы. Он двигался быстро, широкими шагами, и каждый шаг его как будто отмечал территорию. За ним шли двое: молодой человек в очках и с планшетом, подтянутый, как струна, и женщина лет сорока пяти в строгом тёмном костюме, с прямой спиной и холодным взглядом.

— Здорово, — сказал вошедший, останавливаясь у стола. — Садитесь, не вставайте. Я Виктор Лавров. Холдинг «Лавр-Медиа». С сегодняшнего утра я ваш хозяин.

Тишина стояла такая, что слышно было, как гудит проектор.

— Это Денис, — он кивнул на молодого человека, — мой помощник. Это Элеонора Яновна Штейн, финансовый директор. Если вам нужны деньги, обращайтесь к ней. Если не нужны, то тоже к ней: она выбьет из вас остатки.

Штейн не улыбнулась.

— Я пришёл не знакомиться, — продолжал Лавров. — Я пришёл посмотреть, что я купил. Купил я, как вы понимаете, не просто здание и не просто бренд. Я купил команду. Или

то, что от неё осталось.

Он прошёл вдоль стола, разглядывая нас, как барышник разглядывает лошадей.

— Двадцать лет назад, когда мы с Маргаритой начинали это дело, мы сидели в подвале на Сибирской, пили растворимый кофе и печатали книги на ксероксе. Я знал, что будет, если мы продержимся: издательство, которое выживет, будет стоить дорого. Оно выжило. Маргарита, ты молодец, правда.

Маргарита Викторовна не шевельнулась.

— Но, — продолжил Лавров, — я вижу в зале сорок человек. А нужно, по моим расчётам, двадцать пять. Пятнадцать лишних. Вы понимаете, что такое пятнадцать лишних? Это миллионы рублей в год.

Он кивнул Денису. Тот коснулся планшета. На экране за спиной у Лаврова загорелась таблица. Ряд за рядом пошли строчки с фамилиями. Я увидела свою почти сразу: первая в списке. «Платонова Н. С., корректор. Подлежит сокращению».

Ниже: «Тимур Асланов, дизайнер». Потом «Катя Ермакова, помощник редактора». Потом ещё десятки фамилий.

— Это ужасно, — прошептала Катя.

— Это бизнес, — сказал Лавров. — Корректор, по моему мнению, анахронизм. Есть программы. Они проверяют орфографию за секунды и не просят прибавки. Дизайнер? Нейросеть нарисует любую обложку. Помощник редактора? Ну вы понимаете.

Он остановился у моего стула.

— Нина Сергеевна, если не ошибаюсь?

— Да.

— Та самая, которая ловит убийц по запятым. Читал. Забавно. Ваша начальница любит рассказывать о вас, правда, Маргарита?

— Рассказывала, — коротко сказала Дымова.

— Мне интересно: сколько стоит ваша запятая?

— Не понимаю.

— Ну вот вы проверяете рукопись. Четыреста страниц. На неё уходит неделя. Ваша зарплата, налоги, место. Выходит четыре тысячи рублей в день. А программа сделает то же за две минуты. Я не вижу экономики.

— Программа не заметит, что в тексте кто-то подменил автора, — сказала я.

В зале кто-то тихо охнул. Лавров прищурился.

— Это вы про круиз?

— Это про корректуру.

— Хорошо сказано. — Он улыбнулся одними губами. — Но я человек практичный. Я смотрю на цифры, а не на романтику.

В этот момент Эклер, который, оказывается, вышел за мной из корректорской и всё это время сидел под столом, вдруг вылез, одним прыжком вскочил на колени к Лаврову и сел, глядя на него в упор. В зале повисла тишина. Лавров застыл. Потом медленно поднял руку.

— Кошка?

— Кот, — сказала я. — Эклер. Он тоже сотрудник.

— Сотрудник?

— Он у нас ловит мышей. В прямом и переносном смысле.

— Уберите.

— Эклер, иди сюда.

Эклер не пошёл. Он потянулся и, не отводя от Лаврова изумрудных глаз, аккуратно вытянул лапу и положил её на лацкан дорогой куртки, как кладут печать.

— Он не любит вас, — сказала я.

— Я заметил.

— Он вообще не любит тех, кто говорит «анахронизм» про людей.

Лавров рассмеялся. Не весело. Скорее зло, коротко.

— Забавно. Хорошо. Оставляю. На сегодня.

Эклер спрыгнул с его колен и, победно подняв хвост, прошёл между рядами к выходу. Люди расступались. Кто-то тихонько хихикнул.

— Итак, — сказал Лавров, вернувшись к столу. — План такой. Сегодня и завтра у нас аудит. Элеонора Яновна и Денис проверяют документы, склады, договоры. Завтра с каждым из вас я поговорю лично. Я сижу в кабинете главного директора, то есть в Маргаритином. Кто не согласен, имеет право написать заявление по собственному.

— А если согласен? — спросил Ромашов, не поднимая

глаз от блокнота.

— Тогда будем говорить. — Лавров повернулся к нему. — Павел, правильно? Вы, кажется, давно хотите стать главным редактором.

— Я исполняю обязанности.

— Вот и посмотрим.

Он повернулся к Дымовой. Двадцать лет не прошли даром: в его взгляде было что-то странное, не то насмешка, не то горечь.

— Маргарита. Ты не против, что я займу твой кабинет?

— Это теперь твой кабинет, — сказала она. — Делай что хочешь.

— Вот так всегда, — сказал Лавров. — Ты умела проигрывать с достоинством.

Она посмотрела на него, и в этом взгляде не было ничего, кроме льда.

Собрание закончилось. Люди расходились молча, шепча и косясь друг на друга. Катя вцепилась мне в рукав.

— Нина Сергеевна. Что мне делать?

— Ничего. Не паникуй. Тебе нельзя нервничать.

— Он меня уволит. Я в декрете, он не имеет права…

— Он имеет право придумать причину. Но мы не позволим.

— Мы?

— Мы.

Андрей подошёл ко мне и тихо сказал, не меняя выраже-

ния лица:

— Нина. Этот человек не просто бизнесмен.

— Знаю.

— Он пришёл не за прибылью.

— Знаю.

— Он пришёл за Маргаритой.

Я повернулась. Дымова стояла у окна, спиной к залу. Плечи у неё были прямые, как всегда. Но пальцы, сцепленные за спиной, побелели.

Глава 2. Бывший муж

Вечером, когда сотрудники разошлись, Маргарита Викторовна пригласила меня и Андрея в корректорскую. Это был первый раз за все годы, когда она пришла в нашу комнату, а не вызывала к себе. Села на стул у окна, достала из сумочки сигарету, повертела в пальцах и убрала обратно.

— Я не курю, — сказала она. — Бросила двадцать лет назад. Но сегодня очень хочется.

Эклер, лежавший на подоконнике, слегка подвинулся, освобождая ей место.

— Спасибо, — сказала она коту.

— Маргарита Викторовна, — начала я.

— Нет, подождите. Сначала я скажу. — Она сложила руки на коленях. — Вы, наверное, догадались. Виктор Лавров мой бывший муж.

Я промолчала. Андрей, стоявший у двери, тоже.

— Мы поженились в девяносто восьмом. Мне было два-

дцать три, ему двадцать семь. Он был красивый, наглый, весёлый, с огромными планами. Мы вдвоём открыли это издательство. Купили на последние деньги подержанный ксерокс и сняли подвал. Я читала рукописи, он искал деньги. Первые три года работали по двадцать часов в сутки. Потом пошло.

— Что было потом?

— Потом мы заработали первые деньги. И Виктор решил, что ему нужно больше. — Она сжала губы. — В две тысячи пятом он ушёл. Не просто ушёл: он забрал половину оборотных средств, лучших авторов, права на три серии, которые я сама придумала. Основал «Лавр-Медиа». Я осталась с долгами, пустым офисом и пятнадцатью сотрудниками, которым не могла заплатить зарплату.

— Вы подали в суд?

— Он нанял лучших юристов. Я проиграла. Договор, подписанный мной в двадцать шесть лет, оказался составлен так, что любой суд встал бы на его сторону. — Она усмехнулась. — Я до сих пор не понимаю, как можно быть такой наивной.

— Вы не были наивной, — сказал Андрей. — Вы были влюблены.

— Это одно и то же.

В комнате стало тихо. Было слышно, как за окном шумит вечерний город, и как где-то в глубине здания хлопает дверь.

— Я выплатила долги за семь лет, — продолжала Маргарита Викторовна. — Продавала всё, что могла. Собственную

квартиру, мамину дачу. Я сидела здесь и ночевала в этом самом кабинете, потому что не на что было платить за жильё. Вы, Нина Сергеевна, пришли ко мне через два года после того, как всё начало налаживаться.

— Я помню. Вы взяли меня с испытательным сроком и сказали: «Если найдёте хоть одну ошибку, которую я пропустила, останетесь».

— Вы нашли три.

— Четыре.

— Вы правы. — Она слабо улыбнулась. — Я до сих пор не знаю, как вы их нашли.

Она посмотрела на меня прямо.

— Нина. Я не позволю ему вас уволить.

— Маргарита Викторовна…

— Дайте закончить. Я двадцать лет молчала. Я не жаловалась, не просила, не мстила. Но если он думает, что может прийти сюда и выбросить на улицу моих людей, он ошибается.

— Что вы можете? — спросил Андрей мягко. — Он владелец.

— У меня есть кое-что. — Она открыла сумочку, достала небольшой конверт и положила на стол. — Это письмо. Двадцать лет назад, перед уходом, Виктор оставил мне записку. Я её не открывала. Не могла. Но вчера, когда я узнала, что он купил издательство, я достала её и прочла.

— Что там?

Она развернула лист. Бумага пожелтела, почерк был размашистый, торопливый.

— «Маргарита. Я знаю, что ты меня возненавидишь. Но я должен был. Если останешься, тебя убьют. Прости».

Я прочла дважды.

— Он что, пытался вас защитить?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Или это очередная ложь. Он был мастер. Я не могу понять. Двадцать лет я считала его предателем. А теперь…

— А теперь он вернулся, — сказала я.

— И хочет всё забрать.

— Или объяснить, — сказал Андрей.

Она посмотрела на него.

— Что?

— Ничего. Просто мысль. Если человек двадцать лет живёт с одной тайной, а потом выкупает компанию, которую когда-то бросил, он либо мстит, либо возвращает долг.

— Виктор не умеет возвращать долги.

— Не знаю, — сказал Андрей. — Но я знаю, что люди меняются. Иногда в худшую сторону. Иногда в лучшую. А иногда просто притворяются.

Маргарита Викторовна долго молчала. Потом встала, взяла письмо и сложила в сумочку.

— Спасибо, — сказала она. — Не знаю за что. Просто спасибо.

— За что? — спросила я.

— За то, что выслушали. Я двадцать лет не говорила об этом вслух.

Она ушла. Через минуту в дверях показалась Зоя Аркадьевна с кружкой чая.

— Я слышала, — сказала она. — Не подслушивала, просто шла мимо. Нина Сергеевна, мне надо с вами поговорить.

— Конечно.

— Только не здесь.

Мы вышли в коридор. Зоя Аркадьевна оглянулась, понизила голос:

— Эта Штейн. Финансовый директор. Она с утра сидит в моей бухгалтерии и не выходит. Роется в архиве. Просит документы за пять лет. Все договоры с авторами, подрядчиками, типографиями.

— Это нормально для аудита.

— Нормально. Но она просила и такие, которые к аудиту не относятся. Например, личные расходы Маргариты Викторовны. Командировки, представительские. Я спросила, зачем. Она сказала: «Распоряжение господина Лаврова».

— Хм.

— Я не доверяю ей. У неё глаза, как у налогового инспектора, которому кто-то уже заплатил.

— Зоя Аркадьевна.

— Что?

— Вы не подумали, что она ищет компромат на Маргариту Викторовну?

— Подумала. Потому и говорю вам.

Я задумалась. Из бухгалтерии, дверь которой была приоткрыта, доносилось размеренное щёлканье калькулятора и тихий женский голос, напевающий что-то невнятное. Штейн.

— Хорошо, — сказала я. — Следите за ней. Но осторожно.

— Я двадцать лет следила за аудиторами, — проворчала Зоя Аркадьевна. — Они меня боятся.

— Я знаю.

На лестнице нас догнал Тимур. Вид у него был растерянный, на лбу выступила испарина.

— Нина Сергеевна, — сказал он, комкая в руках наушники. — Вы слышали? Он меня хочет выгнать.

— Тимур, успокойся.

— Я сегодня видел его с Денисом. Они стояли у лифта и смеялись. Денис показывал ему на телефоне мои обложки и говорил: «Это за три копейки сделает программа».

— Тимур.

— Я не знаю, что делать! У меня ипотека, мама больная, а этот… этот…

— Он ничего не сделает, пока мы вместе.

— Вы так уверены?

— Нет, — честно сказала я. — Но я так решила.

Он слабо улыбнулся.

— Спасибо.

Когда он ушёл, я вернулась в корректорскую. Андрей сидел на моём стуле и листал мои закладки.

— Нина, — сказал он. — Я не люблю говорить гадости про людей, которых не знаю. Но у меня плохое предчувствие.

— У меня тоже.

— Оно не про увольнения.

— Знаю.

— Оно про то, что этот человек пришёл сюда не просто так. Он сказал Маргарите «ты умела проигрывать с достоинством». Это не слова бизнесмена. Это слова человека, который хочет, чтобы его заметили.

— Или чтобы его остановили.

— Или чтобы кто-нибудь сделал то, что он сам не смог.

Эклер спрыгнул с подоконника и сел между нами. Посмотрел на Андрея, потом на меня, потом на дверь. И негромко, вопросительно мяукнул.

Глава 3. Кабинет главного директора

Следующий день начался с дождя. Мелкий, нудный, он стучал по подоконникам и стекал по стёклам, превращая двор в серую кашу. Лавров пришёл в десять, мокрый и злой, бросил мокрый зонт Денису и прошёл прямо в кабинет Дымовой, не поздоровавшись ни с кем.

К полудню я поняла, что аудит превратился в осаду. Штейн и Денис занимали бухгалтерию и архив, и из комнат доносились звуки открываемых папок и громких вздохов. Ромашов исчез в редакции и не выходил. Сотрудники ходи-

ли на цыпочках. Тимофей Рогов, выносивший мусор, спросил меня шёпотом: «Нина Сергеевна, а правда, что нас всех закроют?»

В два часа дня Денис, проходя мимо корректорской, остановился в дверях.

— Нина Сергеевна. Виктор Игоревич ждёт вас.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Одна?

— Он сказал: «Пусть захватит кота».

Я поднялась. Эклер, спавший на моей папке с гранками, нехотя открыл глаз, потянулся и сам вспрыгнул ко мне в руки. Мы пошли по коридору, и мне вдруг показалось, что за каждой дверью кто-то дышит.

Кабинет Маргариты Викторовны был тот же: большой стол красного дерева, шкафы с книгами, диван у стены, окно во двор. Но он стал чужим. На столе стояли два ноутбука, чашки с недопитым кофе, лежали стопки бумаг. На диване валялся плед, на спинке кресла висела куртка Лаврова. Сам он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на дождь.

— Закройте дверь, — сказал он.

Я закрыла.

— Садитесь.

Я села. Эклер устроился у меня на коленях и уставился на Лаврова ледяными глазами.

— Нина Сергеевна, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы

знаете, что я хочу вас уволить?

— Вы говорили вчера.

— Нет, вчера я говорил для публики. — Он повернулся. Лицо у него было усталое, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Вчерашней бравады как не бывало. — Сегодня я хочу поговорить по-другому. Вы умная женщина. Вы корректор, вы не любите вранья. Давайте без игры.

— Давайте.

— Я не собираюсь вас увольнять.

Я молчала.

— Я включил вас в список, чтобы посмотреть, кто как отреагирует. Реакции — они всегда выдают. Вчера в зале Дымова молчала, как мёртвая. Вы выдали шутку про подмену автора. Катя Ермакова побледнела. Тимур надел наушники. Ромашов улыбнулся.

— Ромашов улыбнулся?

— Один раз. Когда увидел вашу фамилию. — Лавров прошёлся по комнате. — Я двадцать лет в бизнесе, Нина Сергеевна. Я научился видеть, кто что скрывает. Здесь кто-то скрывает очень многое.

— Что именно?

— Деньги.

Он остановился у стола, взял лист бумаги и протянул мне.

— Это выписка по счёту издательства за последние четыре года. Смотрите. Строка тридцать два. «ООО «Печатный двор Сафронов». Оплата типографских услуг». Ежемесячно

пятьсот тысяч. Всего за четыре года двадцать четыре миллиона.

— И что?

— А то, что типография «Сафронов» в Н-ске не существует. Я проверил. Фирма зарегистрирована, адрес липовый, генеральный директор исчез. Деньги уходят на офшорный счёт.

— Кто подписывал платёжки?

— Подписывала Дымова. Но подготовка бумаг шла через бухгалтерию. И, — он поднял палец, — через финансового директора, который работал здесь до моего прихода. Это не Штейн. Штейн пришла со мной. Это человек, чьё имя я пока не знаю. Но завтра на общем собрании я назову его.

— Почему вы говорите мне это?

— Потому что вы не из них. — Он посмотрел на меня. — Вы не из тех, кто ворует и кто покрывает. Вы из тех, кто читает документы. Мне нужно, чтобы вы прочитали.

Он вынул из сейфа папку и положил передо мной.

— Здесь сорок страниц отчётов. Я хочу, чтобы вы их вычитали до завтра. Не как корректор. Как человек, у которого глаз заточен на нестыковки. Найдите, где цифры врут.

— Вы же сами сказали, что корректор анахронизм.

— Я сказал это при всех. — Он усмехнулся. — Не сердитесь.

— Не сержусь. Но вы тоже ошибаетесь.

— В чём?

— Вы считаете, что я не из них. Я из них. Я работаю в этом издательстве одиннадцать лет. Если здесь воруют, значит, воруют рядом со мной. Я не слепая. Просто не смотрела.

Он помолчал.

— Тогда смотрите.

Я взяла папку. Эклер на моих коленях лениво потянулся к бумагам, обнюхал её край и вдруг чихнул.

— Он аллергик? — спросил Лавров.

— Нет. Он критик.

— Ах да. — Он едва заметно улыбнулся. — Вы знаете, а ведь он мне нравится.

— Он не нравится вам. Он вас изучает.

— Тоже вариант.

Он вернулся к окну.

— Нина Сергеевна. Последнее. Я останусь здесь сегодня на ночь. Диван в кабинете удобный, а в гостинице мне не спится. Если Маргарита захочет зайти, пусть заходит. Но не раньше утра.

— Вы собираетесь спать в этом кабинете?

— Двадцать лет назад я здесь начинал. Мне интересно, помню ли я, как это.

— Вы не боитесь?

— Чего?

— Того, что кто-то захочет остановить ваше общее собрание.

Он обернулся. Улыбка исчезла.

— Нина Сергеевна, — сказал он тихо. — Я не боюсь. Я просто устал. Много лет живу с мыслью, что должен кое-что исправить. И, кажется, у меня остался один шанс.

Я не успела ответить. Дверь открылась, вошла Штейн с папкой под мышкой. Лицо у неё было белое, холодное, с чётко очерченными скулами. Она бросила на меня быстрый, оценивающий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.